

Через несколько секунд он решился предпринять еще одну попытку. Альф снова раздвинул ноги, расслабился и принял сидячую позу.

Прождав примерно через полминуты, он постарался расслабиться еще сильнее, а потом попеременно начал напрягать мышцы живота.

От усилий он вспотел так сильно, что казалось, что еще чуть-чуть, и он будет таким же мокрым, как если бы действительно получилось описаться.

Теперь Альф постарался ритмично напрягать все мышцы живота и расслаблять их. После нескольких секунд таких усилий ему показалось, что он что-то чувствует. Снова напрягнувшись, он явственно почувствовал, что внутри него что-то медленно, словно нехотя, продвигается к его члену. Воспряя духом, он снова несколько раз ритмично сократил мышцы - и точно, что-то горячее и словно даже твердое явственно продвигалось к выходу. Напрягнувшись еще раз, он почувствовал какую-то слабую и, как ни странно, приятную горячую боль в головке члена и понял, что это нечто уже почти подошло к выходу и нужно еще одно, последнее усилие, чтобы это нечто с вырвалось на свободу и с шипением потекло в ложбинку, выдавленную в постели его телом, впитываясь в пурпурный шелк мягкой пуховой подушки.

И вдруг он заметил, что его друг, Альберт, который лежал на подушке напротив, приоткрыл глаза. Горячее "нечто" тут же откатило от его члена и мгновенно втянулось обратно в окаменевший мочевой пузырь, а задние лапы плотно сжались. Альф даже слегка заскулил от разочарования и боли, схватившей его судорожно сжавшиеся сфинктеры. Теперь, при друге, и нечего было думать о том, чтобы чуть-чуть облегчить свои страдания - придется мучиться до утра, и еще неизвестно, сможет ли он дотерпеть и не нальет ли прямо на глазах у друга (а то и у других псов) в постель.

И тут лежащий на правом боку Альберт, внимательно оглядев друга и хитро, как-то по особенному, прищурившись, чуть приподнял лапу и помочился. Оторопевший Альф уставился на это круглыми от удивления глазами. Струйка, которую пустил Альберт, была короткой, всего две-три секунды, но он несомненно действительно пописал в постель, это не было игрой измученного воображения

- Альф ясно видел яркие блики утреннего солнца, заигравшие на изогнутой желтовато-оранжевой струйке и темнеющий шелк подушки в том месте, куда попала моча. После того, как секундное оцепенение прошло, он посмотрел на мордочку Альбера. Тот, по-прежнему прищурившись, словно слегка кивнул ему, опустил лапу и, повернувшись на другой бок, опять тихонько засопел, оставив Альфа осмысливать только что произошедшее. Через несколько секунд он, наконец, понял, что хотел этим странным действием сказать ему Альберт. А когда понял, у него словно отлегло от сердца. Мысленно горячо поблагодарив друга, он снова раздвинул лапы и опять, который раз за ночь, расслабился. На этот раз все удалось без того невероятного напряжения силы воли, словно у него в мозгу снялся какой-то блок - расслабившись, Альф тут же почувствовал, как моча побежала по мочеточникам безо всяких на то усилий, словно не ее он меньше минуты назад всеми силами пытался протолкнуть к выходу. Через полсекунды моча достигла головки его члена и, приятно обожгя ее своим теплом, упругой горячей струей ударила о ткань подушки, смачивая пропотевшую шерсть на животе и ляжках. Ее поток был такой силы, что она не успевала впитываться в

плотный шелк подстилки и под Альфом тут же образовалось теплое, пряно пахнущее озеро. Озеро мгновенно переполнилось, жидкости не хватало в нем место и она тут же нашла себе целых два выхода - Альф почувствовал, как моча закапала на пол сбоку от подушки, а потом, когда и этого стока не хватило, омыла теплой волной яйца и потекла под его пушистым задом. Он даже и представить не мог, что в него могло вместиться столько этой золотистой воды.

Заодно он и понял то, что, изначально рассчитывая облегчится лишь чуть-чуть, он крупно ошибался - этот мощный поток остановить по желанию было просто невозможно, он все лился и лился, казавшись просто бесконечным. Наконец поток начал стихать, уменьшая свою силу и напор, а вскоре дуга мочи опала, уменьшила свою крутизну и из неудержимого горного потока превратилась в слабый ручеек. Наконец она почти совсем пересохла, просто начала капать из "карманчика", а потом эти жалкие капли перестали вытекать. Альф подождал, пока вся моча впитается в подушку, чуть поерзал, поудобнее устраиваясь на подстилке посреди оставшегося темного влажного пятна и прикрыл глаза. Теперь он знал, что, случись еще раз такая ситуация, он не будет сомневаться не минуты: в конце концов он был не просто каким-то псом, а породистым доберманом шоколадного окраса из личной пасарни Его Императорского Величества, почти королевская кровь - должен же он иметь какие-то привилегии перед простыми дворнягами?! А сейчас Альфу больше всего на свете хотелось спать+ Последней его мыслью перед тем, как провалиться в глубокий сон, было: "какие же все-таки у меня замечательные друзья!"